

Элли удалось уклониться от деревянного тренировочного меча в самый последний момент. Она услышала свистящий звук, пролетающий над ней, воздух сдвинулся от силы его взмаха. Выпрямившись, она сделала несколько быстрых шагов назад, чтобы увеличить дистанцию между собой и Весемиром. Старый ведьмак ухмыльнулся ей, подняв меч перед лицом в оборонительной позиции и продвигаясь вперед.

Момент шока от его внезапной атаки прошел, и Элли инстинктивно приняла боевую стойку. Знакомый вес лука в ее руке успокаивал ее. Она наблюдала, как Весемир приближался к ней уверенными, но медленными шагами. Он начал чувствовать ее, не желая атаковать, не зная, на что она способна, и она была склонна к тому же. Она изучала работу его ног, когда он двигался к ней по широкой дуге. Он шел осторожно, но не было никаких признаков скованности или вялости, которых Элли ожидала бы от мужчины его преклонного возраста. В отличие от трех других ведьмаков, с которыми она путешествовала, она никогда не видела, чтобы Весемир сражался. Фактически, за то короткое время, что она провела в его присутствии, она видела только, как он ходит, и этого было недостаточно, чтобы понять его движения.

Весемир теперь находился всего в нескольких футах от нее, на расстоянии легкого удара. Элли осталась на месте, желая, чтобы он напал на нее. Ей нужно было проверить его подвижность и силу, прежде чем она решит, как с ним справиться. Пока она думала об этом, ведьмак кинулся к ней, его скорость была ошеломляющей, а сила – еще больше. Когда он набросился на нее, она подняла посох, чтобы заблокировать его деревянный клинок, и громкий щелчок эхом разнесся по пустому двору. Зубы Элли застучали в голове, когда ее руки сомкнулись, не давая мечу достичь ее черепа. Боль пронзила ее локти, и она почувствовала грубую силу атаки Весемира. Решив, что она провела достаточно исследований, она использовала ноги и оттолкнулась от его меча, поворачиваясь при этом вправо.

Внезапный дисбаланс отбросил клинок Весемира от ее посоха, заставив его отойти в сторону, позволяя ей обойти его. Устремившись прочь, Элли добралась до другой стороны двора, а затем снова повернулась к нему лицом. К своей тревоге она увидела, что Весемир снова уже почти рядом с ней. Старик необычайно бодр для своего возраста. Она двигалась не так быстро, как могла, предупреждение Ламберта о необходимости использовать свои силы все еще звучало в ее ушах, но она думала, что все же дала себе достаточно времени, чтобы проанализировать свой следующий шаг.

Старый ведьмак полетел к ней, подняв над головой деревянный меч. Это делало его чрезвычайно уязвимым для атак, и она видела несколько способов вывести его из равновесия и сбить с толку. Однако Соломон проделал тот же трюк, когда обучал ее. Оставив себя уязвимым, чтобы увидеть, куда она пойдет, прежде чем закрыть дверь в последнюю секунду и сбить ее с ног. Должна ли она проглотить наживку и рискнуть, что он получит удар, или перестраховаться и увернуться?

Не имея больше времени на принятие решения, Элли руководствовалась своей интуицией, надежным инстинктивным компасом, которому она обычно позволяла себя руководствоваться. Слегка выпрямившись, она попыталась нанести удар по его незащищенному левому боку, когда он оказался в пределах досягаемости. Весемир действовал так, как она и предполагала, переключив меч из атакующего положения в защитное и двигаясь, чтобы парировать ее удар. Однако прежде чем их оружие соединилось, Элли перенаправила посох на его левую ногу и низко прижалась к земле, проходя мимо него. Используя против него его собственную инерцию, она подцепила шест ему под ногу и попыталась сбить его с толку, когда пролетала мимо. Над ней послышался короткий звук удивления, затем Весемир оказался там, где она была несколько секунд назад, все еще очень прямо и не в фазе.

Остановившись, низко пригнувшись, Элли недоверчиво посмотрела на него. Парень действительно мог двигаться. Весемир слегка ухмыльнулся, его янтарные глаза теперь мерцали едва сдерживаемым ликованием. — Хорошая попытка, но ты меня держишь, девочка.

Ее охватило возмущенное разочарование. Ламберт посоветовал ей не перенапрягаться, пока она здесь, и у нее сложилось отчетливое впечатление, что Весемир это знал. Не дав ей времени дышать, он снова бросился к ней, на этот раз посылая в ее сторону шквал ударов. Это было все, что Элли могла сделать, чтобы парировать их, ее посох сверкал вправо и влево, блокируя каждую из его яростных атак. Он двигался как будто расплывчато, но в его действиях было контролируемое спокойствие, которое выдавало его превосходное знание меча.

Последние несколько боев с ведьмаком были беспорядочными и отчаянными. Обстоятельства жизни и смерти, в которых обе стороны оказываются в затруднительном положении. Это было другое. Это был поединок между двумя договаривающимися бойцами, игровое поле было равным, шансы уравнивались. Именно из-за этого она стала полностью осознавать, насколько сильными и быстрыми были эти странные, улучшенные люди. Да, Весемир был стар, но он также был учителем всех трёх ведьмаков, которых она знала, не говоря уже о сотнях других, которых, как он утверждал, обучал здесь. Каждый удар и парирование были точными и наносились с силой, трясущей костями, которая безжалостно отбрасывала ее назад. Она была бы впечатлена, если бы не оказалась в центре такого чудовищного нападения.

Казалось, все менее и менее вероятно, что этот бой продлится намного дольше, если она не использует все свои способности. Она могла просто сдаться, признать, что он победил, и выполнить свое обещание, данное Ламберту, но что-то подсказывало ей, что Весемир не удовлетворится легкой капитуляцией. Тихий голосок в глубине ее сознания задумался, делает ли он это намеренно, чтобы выявить ее истинную потенциальную опасность. Это не было бы сюрпризом, все они в тот или иной момент смотрели на нее, как на образец под микроскопом. Почему не тот человек, который их обучал?

Даже когда она почувствовала, что ее тащат обратно к манекенам, сосредоточенные глаза Весемира были прикованы к ней, когда он наносил еще один шквал ударов, она не могла увидеть ни злобы, ни злого умысла за выражением его лица. Да, любопытство было, но не более того. У нее внезапно сложилось впечатление, что он просто хотел посмотреть, на что она способна, ради собственного развлечения.

Стена манекенов была почти за ее спиной. Если бы она позволила ему продолжать давить на нее, она бы оказалась загнана в угол, а это была непривлекательная перспектива. Ее подход к атаке основывался на скорости и мобильности, и если она действительно хотела сразиться с ним на своих условиях, ей нужно было решить сейчас. Стиснув зубы, Элли отразила еще один удар деревянного меча. Почувствовав, что он почти подчинил своего противника, Весемир отступил, делая паузу в своих постоянных ударах, и ловко размахивал мечом в одной руке. Это очень напоминало ей Ламберта, и чем больше он на нее нападал, тем отчетливее она видела все три ведьмачьих стиля в одном лице.

Старый ведьмак лукаво ухмыльнулся, а затем пустился в пируэт, в результате которого она, скорее всего, рухнула бы на землю, побежденная. Однако этого не должно было случиться, и прямо на вершине его прыжка она направила всю свою силу в ноги и пронеслась мимо него в шквале движений и танцующих снежинок. Она снова остановилась на противоположной стороне двора, на этот раз сила и адреналин хлынули в ее кровь. Обернувшись, она почувствовала прилив удовлетворения от частично шокированного выражения лица Весемира, его седые брови высоко поднялись, когда он на мгновение посмотрел на нее. Затем ухмылка вернулась, и он снова приготовил свое оружие.

— Вот это больше похоже на то. Сказал он, и Элли не смогла сдержать улыбку в ответ. На этот раз она перешла в наступление, помчавшись к Весемиру, чтобы застать его врасплох. Она двигалась быстро, но он все же вовремя среагировал и поднял меч, парируя ее удар вверх по своему туловищу. Не останавливаясь, чтобы позволить ему перегруппироваться, она метнулась к нему с фланга, снова вращая посохом назад и вниз к его ногам. На этот раз Весемир не успел избежать этого. Посох ударил его по икре и пронесся под ним, захватив с собой ногу. Старый ведьмак рухнул на землю спиной, издав громкое фырканье, когда из него выбили воздух, и тихое проклятие, когда он вскочил на ноги. Элли уже танцевала в нескольких шагах от нее, и теперь ее лицо раскалывалось в усмешке.

— Давай, старик. Я думал, ты хочешь сделать это интересным. У нее закружилась голова от первого настоящего удара в бою, и она почувствовала, как ее сдерживание ослабевает. Вместо того, чтобы выглядеть злым или расстроенным, Весемир усмехнулся, размахивая мечом и принимая боевую стойку.

— Смелые слова, девочка. Посмотрим, сохранится ли эта улыбка через минуту. И он снова бросился вперед.

Они сражались большую часть часа. Иногда Элли добивалась успеха; еще дважды сбив Весемира с ног и нанеся несколько хороших ударов по рукам и ногам, и иногда именно Весемир одерживал верх. Отгоняя ее назад и заставляя ее слишком заняты защитой себя, чтобы она могла совершить какое-либо нападение на него. Она была почти уверена, что, если бы она не смогла вылечиться, он уже оставил бы на ее коже немало здоровенных синяков. Она видела, как на лбу старого ведьмака выступил пот, а его дыхание, хоть и ровное, но стало несколько более затрудненным. Точно так же она чувствовала, что постоянное использование ее способностей наносит ей урон. Это был максимум ее усилий за долгое время, и ее тело начало протестовать.

В какой-то момент он поймал ее в захват, который не позволил ей использовать посох или уйти, не обезоружив себя. Он доброжелательно улыбнулся ей, готовый принять ее капитуляцию, но улыбка исчезла с его лица, когда Элли отпустила тренировочный посох, освободив ее из его хватки, и сумела поймать падающее оружие до того, как оно упадет на землю. Когда она кружила прочь, она увидела, как он слегка кивнул в ответ, его янтарные глаза метнулись к крепости, чтобы на что-то посмотреть. Не желая отвлекаться, она не следила за его взглядом, и драка продолжилась.

Холодный утренний воздух был наполнен звуками ударов дерева по дереву. Оглушительный лязг их оружия эхом отражался от стен крепости. Снег стал падать немного сильнее, но ни одна из сторон, похоже, не была обеспокоена изменившейся стихией. Фактически, Элли могла чувствовать, как растущий ветер начал двигаться вместе с ней, подталкивая ее вперед, увеличивая скорость, и направляя ее посох, когда она перемещалась через свои формы в бою.

Чем больше они ссорились, тем больше Элли использовала свои скрытые силы, чтобы выжить. То, что началось как дружеский спарринг, каким-то образом переросло в отчаянную схватку. Здесь не было никакой ставки, но чем больше она сражалась с ведьмаком-ветераном, тем больше ей не хотелось ему проиграть. Вспомнился прошлый опыт тренировок с Соломоном. Она смотрела на него снизу вверх и любила его больше, чем кого-либо, и все же каждый раз, когда он бил ее по заднице, ей не хотелось ничего, кроме как встать и победить его в его же игре. Прошло много времени с тех пор, как она чувствовала эту склонность к соперничеству, и все же она здесь.

Прижав ее в сотый раз к стене крепости, Элли почувствовала, что ее энергия убывает. Стиснув

зубы и крепче сжимая посох, она бросилась вперед в последней попытке сбить ведьмака с ног. Двигаясь, она почувствовала, как вокруг нее усилился ветер, и снежинки, которые постепенно становились все гуще, казалось, затвердевали. Там, где ее руки держали грубое дерево посоха, образовалась тонкая корка льда, и она прыгнула на руку, выгнулась над Весемиром и нанесла удар изо всех оставшихся сил. Она увидела, как его глаза расширились от удивления, увидев неожиданную высоту ее прыжка, ветер подхватил ее и понес дальше. Затем ее посох попал ему в плечо, и он пошатнулся вперед от удара.

Почувствовав, что победа близка, Элли приземлилась и мгновенно развернулась, готовая нанести завершающий удар. Но там, где он находился долю секунды раньше – стоя на коленях и раненый, – теперь было просто пустое место. Пока ее мозг пытался наверстать упущенное, она почувствовала чье-то присутствие позади себя. Вращаясь, она ударила посохом, но потеряла равновесие и была застигнута врасплох. Она увидела вспышку седых волос и пару горящих янтарных глаз, затем твердая деревянная полоса столкнулась с задней частью ее ног, и она почувствовала, как их унесло из-под нее. Дыхание у нее участилось, когда ее зад коснулся мерзлой земли. Посох отлетел в сторону от нее. Затем деревянный кончик меча коснулся ее подбородка, подняв голову и взглянув противнику в глаза.

Весемир улыбнулся ей той же самой доброжелательной улыбкой, он остался невозмутимым всем испытанием, хотя на его лбу выступил слабый блеск пота, а несколько прядей седины выбились и развевались по ветру. Он поднял бровь, глядя на нее, и блеск волнения сиял в его глазах ярче, чем когда-либо.

Элли вздохнула и подняла руки. 'Я уступаю.' Сказала она побежденным тоном. Весемир убрал меч от ее горла и при этом усмехнулся. Она наблюдала, как его глаза снова метнулись куда-то позади нее, а уголки его улыбки изогнулись. Вернувшись к ней, он отбросил тренировочный меч в сторону и протянул руку. Взяв его, она застенчиво посмотрела на него, но он подмигнул ей в ответ и поднялся на ноги.

— Совсем неплохо... малыш. Он сказал. Волосы на руках Элли встали дыбом, живот неприятно скрутило. В этот момент она смотрела не в морщинистое лицо Весемира, а в улыбающиеся глаза и суровое выражение лица Соломона. Весемир отпустил ее руку и ушел, оставив Элли в шоке стоять посреди тренировочного двора. В конце концов она достаточно пришла в себя, чтобы наблюдать, как он возвращается к главной крепости. Путешествуя глазами с ним, она увидела три фигуры, наблюдающие за ним из-за арки во второй двор.

Двое из них обернулись, чтобы поприветствовать приближающегося к ним старого ведьмака, но один продолжал смотреть на нее сверху вниз. Выражение лица Ламберта было трудно прочитать с такого расстояния, но она все равно чувствовала, как внутри у нее все сжимается. Она только что сделала именно то, чего он ей велел не делать: она нарушила обещание. Будет ли он ненавидеть ее за это?

Две другие фигуры Геральта и Эскеля теперь были заняты разговором с Весемиром, Эскель посмотрел на нее и ухмыльнулся. Но Элли была сосредоточена только на Ламберте и на том странном непоколебимом взгляде, которым он сейчас смотрел на нее. Через несколько мгновений он повернулся и пошел обратно к крепости, не обращая внимания на остальных... и на нее.

Ламберт был в замешательстве. Он был в самом сильном замешательстве за очень, очень долгое время. В настоящее время он тщательно отмерял порции селитры и оптимум-матер, чтобы смешать их для изготовления димеритиевых бомб. Процесс был сложным и опасным, так как одно неверное движение могло привести к взрыву, сравнявшему с землей небольшую

кладовую, в которой он находился, не говоря уже о том, что впоследствии взорвались бы все остальные бомбы в его тайнике. Он надеялся, что это отвлечет его от кипящих мыслей и боя, который он наблюдал ранее.

Если быть честным, последнее, чего он ожидал, когда Эскель подбежал к ним и велел выйти на улицу, было столкновение его старого учителя с девушкой-демоном посреди тренировочного двора. Сначала он думал о том, чтобы остановить это, полагая, что Весемир нарушает свое слово и нападает на нее. Затем до него донесся знакомый звук грохота деревянного учебного оружия. Он... спарринговал с ней? В последний раз он видел, как Весемир использовал эти деревянные мечи, когда Цири была еще на уровне колена. Он в замешательстве наблюдал, как пара танцевала и парировала друг вокруг друга. Два его брата тоже молча наблюдали, и он отдал бы прямо сейчас дюжину крон, чтобы услышать мысли Геральта.

Белый волк был кислым по отношению к Голубоглазым с того момента, как встретил ее. Часть Ламберта – эгоистичная часть – была рада, что это так. Было что-то в мысли о том, что эта вкрадчивая шлюха соблазняет ее, как он делал со всеми дамами, что вызвало у Ламберта желание рвать на себе эти белоснежные волосы. Другая часть была больше обеспокоена тем, что его брат по оружию не доверял ей и тайно замыслил причинить ей какой-либо вред. Эта мысль очень разозлила Ламберта, и он обнаружил, что наблюдает за Геральтом гораздо чаще, чем раньше.

Ламберт закончил изготовление партии димеритиевых бомб и осторожно отложил их в сторону. Он сидел на полу, а вокруг него были беспорядочно разложены материалы и оборудование. Он провел рукой по лицу, все еще пытаясь выкинуть из своего воображения образ голубых глаз, прыгающих по сторонам в этих кожаных брюках. Он не видел, как она сражалась с оружием, и, имея беспрепятственный обзор, обнаружил, что загипнотизирован плавными, извилистыми движениями, которыми она извивалась и двигалась по тренировочному двору. Посох, который она использовала, представлял собой простой кусок дерева, но то, как она им владела, делало его таким же смертоносным, как настоящий меч. В какой-то момент он был уверен, что она действительно выиграет, но затем старый придурок применил один из своих раздражающих маневров, уклонившись от синих глаз, чтобы сбить ее с ног.

Он на мгновение почувствовал жалость к девушке, воспоминания о том, как его собственная задница упала в грязь у ног Весемира, остро запомнились ему. Затем старик протянул ей руку, и Ламберт почувствовал укол ревности. Он не был уверен, было ли оно нацелено на Голубоглазых или на Весемира, но внезапно он осознал, что находится снаружи и наблюдает за чем-то. Всю свою жизнь он был белой вороной, будь то отец, избивший его до крови и отдавший ведьмакам, или другие ведьмаки, избегавшие его из-за его резкого, а зачастую и оскорбительного характера. Ламберт всегда чувствовал себя другим, нежеланным. С голубыми глазами все было по-другому. Она смотрела на него как на мужчину, а не как на ребенка, ворующего ведьмака, и, казалось, ей даже нравилось его общество. Когда к ним присоединились остальные, он ненавидел то, как она предпочитала компанию Эскеля, единственным спасительным моментом было отсутствие доверия к ней со стороны Геральта.

Теперь, когда он наблюдал, как Весемир улыбается ей и ее ответной ухмылке, он чувствовал, что все внутри у него неприятно скручивается. Стены вокруг него начали меняться, закрывая его от остальных. Она повернулась и посмотрела на них, ее голубые глаза сияли даже на расстоянии, легкий снегопад собирался в ее волосах, а он смотрел в ответ, не двигаясь. Он уже проходил через это раньше, испытывая чувства к кому-то, что было вне его досягаемости. Лучше всего было дистанцироваться и позволить другим помочь ей. Ведь он выполнил свое обещание. Он доставил ее в Каэр Морхен, его работа была выполнена, и он ей больше не

нужен.

Ламберт просмотрел то, что осталось перед ним. Если бы он был умным, он мог бы растянуть остатки своей селитры и сделать еще несколько картечных выстрелов. Он как раз отмерял необходимые порции, когда до его ушей донесся звук легких, быстрых шагов. Его мышцы напряглись, когда запах серы ударил в нос, но он продолжал смотреть на свою работу, даже когда дверь в кладовую открылась.

— Мне показалось, что я учуял твой запах здесь. Ее голос вонзил ему в грудь зазубренный нож. «К черту Ламберта, возьми себя в руки», — отругал он. — Что ты здесь прячешься и хандришь?

«Я не хандрю». Он рефлекторно отрезал. — Если хочешь знать, я занят изготовлением бомб.

'Действительно?' Ее голос оживился, и он почувствовал, как воздух рядом с ним изменился, когда она присела в открытом дверном проеме. — Могу я посмотреть?

'Нет.' — резко сказал он и краем глаза заметил, как она вздрогнула. Зазубренный нож жестоко извернулся, но ему было достаточно того, что его отбросили, и он не собирался позволять этому случиться снова.

'Ой. Хорошо.' Ее голос утратил весь прежний энтузиазм, и в нем появилась тяжелая печаль, которой Ламберт раньше не слышал. Она выпрямилась, ее ноги были всего в нескольких футах от него. «Наверное, это к лучшему. Не хочешь случайно оторвать тебе руки, пока я буду паяться на тебя. В словах не было жизни. Это было почти так, как будто ее сдули. Отличный, чертов идиот, Ламберт, как всегда.

Она повернулась, чтобы оставить его, но остановилась в дверях. Он чувствовал, что атмосфера наполнена чем-то невысказанным, в воздухе потрескивало напряжение, к которому он так привык во время их поездок. «Я просто пришел сказать тебе...». Ее голос все еще был грустным, но в нем была какая-то окончательность, которая заставила Ламберта взглянуть на нее впервые с тех пор, как она пришла к нему.

Он сразу же пожалел о своем решении. Ее глаза были мерцающими небесно-голубыми, а черты лица были полны душераздирающей печали. Это заставило каждый нерв его тела кричать, чтобы он перестал быть глупым и гордым ослом и просто держал ее. Прежде чем он успел поддаться побуждению, Голубые глаза снова заговорили.

— Я думаю, ты прав, лучше всего, чтобы с этого момента мы сохраняли это... вежливое отношение. Нож по самую рукоять вошел в его грудь, и за ним захлопнулись стены. Отбросьте, еще раз.

'Да, конечно. Это нормально.' — горько сказал он, чувствуя, как его рот растягивается в усмешке. «Наверное, так лучше. Ты все равно скоро уйдешь, так что нет причин усложнять ситуацию. На мгновение ему показалось, что она вздрогнула от его слов. Как будто ее собственный невидимый нож ударил ее, но он исчез прежде, чем он успел убедиться, и ее лицо превратилось в бесстрастную маску. Ее глаза потемнели до глубокой морской синевы.

'Точно. Я скоро уйду. Ее слова прозвучали горько, но Ламберт не знал почему. Именно она сказала ему, что в конце концов ей это неинтересно. Она еще мгновение смотрела на него, колеблясь в дверях, как будто хотела сказать больше. Затем ее рот закрылся, и она повернулась, чтобы снова покинуть его.

Ламберт почувствовал, как его взгляд сам собой скользнул по ее спине, когда она ушла. Боги, почему она так чертовски хорошо выглядела в этих кожаных брюках? Несмотря на то, что на показе ее было меньше, он нашел мягкий материал, обнимающий ее фигуру, еще более откровенным. Эта мысль не помогла его быстро угасающему настроению, образ ее уходящей задницы, новый образ, теперь врезался в его мысленный взор.

Секунду он смотрел ей вслед, затем в порыве гнева наклонился вперед и захлопнул тяжелую дубовую дверь. Он издал оглушительный грохот, который, вероятно, разнесся по всему крепости, предупредив всех в радиусе пяти миль о его истерике, но Ламберт обнаружил, что ему все равно. Все привыкли к его неблагоприятному отношению. Голубые глаза были единственными, которые заставляли его чувствовать себя хоть немного желанным, а теперь, как и многие другие, она тоже от него отошла. Он не был удивлен, он даже ожидал этого, но небольшая часть его все еще надеялась на что-то большее на этот раз.

Он снова обратил свое внимание на единственное, что остается постоянным в его жизни... бомбы. Он попытался продолжить измерение селитры, но обнаружил, что его руки слишком напряжены, и через несколько минут сдался. Оставшись один, в компании только своих мыслей, Ламберт тяжело вздохнул и начал биться головой о каменную стену позади себя, в отчаянной попытке представить себе, как она уходит из нее.

<http://tl.rulate.ru/book/100009/3427317>